

— Над крестами гроб с покойничком летает,
А вдоль дороги мёртвые с косами стоят...
И тишина...

К/ф «Неуловимые мстители»

Пустыня раскинулась совершенно ровным палевым кругом, гладко расходящимся к горизонту, и лишь два серых валуна слегка нарушали холодную идеальность плоскости. Арсений сидел на одном из валунов и силился вспомнить, кто он, как попал сюда и зачем. Путешествие? Катастрофа? Может быть, сон? В голове кружил свои галактики первозданный космос; то тут, то там вспыхивали сверхновые, возникали чёрные дыры и белёсыми кометами пронесились *редкие* неуловимые мысли, возникая неизвестно откуда и пропадая неизвестно куда.

И отчего-то пахло бензином. Хотя если кто-то спросил бы Арсения, что такое бензин, он, пожалуй, не смог бы ответить. Отчего-то возникло слово «амнезия». А-а, понял Арсений, что-то случилось, я потерял память и поэтому не знаю, кто я и где. Вдруг раздался свист ветра в крыльях, и он увидел, как из низкого тёмно-индигового и отчего-то тоже совершенно плоского неба вынырнул и спланировал вниз человек с огромными крыльями за спиной. Он был тёмный, и крылья его были черны. Человек опустился в двух шагах от валуна, на котором сидел Арсений, подошёл неторопливо, едва касаясь земли босыми ногами и молча сел на соседний валун.

Сколько они просидели так, разглядывая друг друга? Может, минуту, а может, час. Арсений перестал чувствовать течение времени.

— Я Ангел Смерти, — сказал наконец человек с крыльями таким неземным голосом, что у Арсения колоколом загудела голова, зашлось дыхание и заколотилось сердце. Арсений почувствовал, что Ангел заглянул к нему в душу, окинул взглядом космос его мозга и в одно мгновение всё про него понял. Он понял даже то, что сам Арсений не в силах был осознать, хотя пытался из всех сил. Они помолчали, и холод, заполнивший было душу Арсения, потихоньку просочился наружу, руки потеплели, и сердце забилося ровнее. Ангел пошел, словно устраиваясь поудобнее, и начал:

— Эпикур сказал: «Смерть для человека — ничто, так как когда мы существуем, смерть ещё не присутствует, а когда смерть присутствует, мы не существуем».

Железная логика этого изречения Арсению была ясна давно. Он вдруг вспомнил, что всегда, ну, положим, с раннего детства интересовался этим вопросом. Но отчего разговор коснулся смерти? — Некому вельможе бросился в ноги раб, — продолжал между тем Ангел, глядя в глаза Арсению, словно наблюдая за его реакцией. — Он рассказал, что встретил на базаре Смерть, которая грозила ему пальцем. Раб умолял господина, чтобы тот дал ему коня, на котором он смог бы спастись от Смерти, бежав в город Самарру. Вельможа дал рабу коня, и тот умчался. Через некоторое время вельможа и сам встретил на базаре Смерть и спросил: «Зачем ты испугала моего раба? Зачем грозила ему пальцем?» — «Я его не пугала, — ответила Смерть. — Просто я очень удивилась, встретив его в этом городе, потому что в этот вечер мне предстоит с ним свидание в Самарре...»

Ангел усмехнулся и внимательно посмотрел на Арсения.

Ночь. Звонок в дверь. Хозяин спрашивает:

— Кто там?

— Это я, смерть твоя!

— Ну и что?

— Да вот, собственно говоря, и всё...

— От смерти не убежишь, правда? — и он шевельнул чёрными крыльями.

Да уж, мысленно согласился Арсений. А главное — это самая непостижимая и самая притягательная загадка. Вот ты есть в этом мире, что-то делаешь, на что-то влияешь, кто-то тебя любит или ненавидит. И вдруг — тебя нет! Просто нет и всё! И как прикажете с этим жить? Как к этому относиться?

Арсению припомнился вдруг душный жаркий день на Кубе. Шумной группой они шли по узким улочкам колониального городка, пока не вышли к большому старинному кладбищу. Экскурсовод — полненькая, но очень энергичная негрityнка — вывела их к китайскому сектору и, указав на кумачовый транспарант над воротами, спросила,

кто отгадает, что на нём написано? И когда кто-то явно в шутку сказал: «Добро пожаловать!», удивилась: действительно: «Добро пожаловать!» Это восточное отношение к смерти, сказала она, там лучше, чем здесь, и нужно радоваться, попадая туда.

Не может быть, ещё подумал Арсений, чтобы китаец не боялся смерти. Наверное, боится, просто народная философия, вся культура бытия учит его относиться к смерти как к явлению неизбежному, но необходимому и даже полезному.

Арсений вспомнил историю двух братьев-вьетнамцев, которую рассказали ему когда-то в школе. Она произвела на него неизгладимое впечатление. Один из братьев был партизаном, французы поймали его, и повели на расстрел. К конвоиру подошёл второй брат и стал упрашивать, чтобы ему разрешили поменяться с братом местами. У того много детей, большие долги, и семья не сможет отдать их; а я бездетный и никому ничего не должен,—говорил он. И охранники на свой страх и риск разрешили. И пойманного отпустили, а невиновного расстреляли.

— Кукушка, кукушка, сколько мне жить осталось?

— Ку...

— А что же так ма...

Ангел молчал. Арсений закрыл глаза, и в памяти его всплыли картины молодых лет, когда он бродил с ружьём по глухим лесам тощего Нечерноземья. Там, в забытых Богом деревеньках, запущенных властями и обойдённых временем, разговаривая со старыми людьми Арсений в какой-то момент понял, что многие из этих девяностолетних стариков и старух смерти не только не боятся, но, случается, и призывают её. «Уж дальше и жить-то незачем,—говорила ему одна бабушка, согбенная и сморщенная, словно печёное яблоко, когда сидели они у окна её домика, за которым буйствовала сирень, и Арсению, молодому и весёлому, совсем не думалось о печальном.—И я всем в тягость, и мне житьё в тягость. Все мои подружки уж давно там».

«Какая-то старорежимная бабушка»,—подумал тогда Арсений, и пройдёт немало лет, когда логика атеизма станет не такой уж бесспорной, и беседа со священником небольшой сельской церкви, он вдруг осознает всю глубину и непоколебимую значимость той бабушкиной «старорежимной» философии...

Ангел Смерти, словно подхватив поток его мыслей, заговорил:

— Вы знаете цену всему. Вы знаете всё обо всём. Вы мните себя хозяевами жизни, венцом природы! Но как дети, боящиеся темноты, стараетесь не заглядывать в тёмный чулан философии смерти. Вы ничего не знаете о ней, а страх—неизвестность и ожидание. Ожидание неизвестно чего. Всю жизнь обстоятельства, родители, окружающие, общество

учат вас всему—от умения ходить и говорить, до умения врать, лечить и убивать. Не учат только умирать. А древние бабушки в затерянных деревеньках застали ещё те времена, когда учили. Человек и тогда, конечно, боялся смерти, зато он знал: там—его существование продолжится и там—хорошо...

Но мир всё больше отстраняется от философии души, освещавшей человеческий путь и помогавшей достойно уйти из жизни, а взамен...

Жил, жил—и что?

Да вот, собственно говоря, и всё...

У Арсения перехватило дыхание. Да что же такое происходит? Откуда-то из глубины сознания проклёвывался вопрос, который он никак не решался себе задать: умер я что ли?!

Ангел Смерти тем временем достал из складок одеяний книгу и, листая её, продолжил:

— Люди думают: нет иной жизни, кроме земной. И это страшно. И чтобы заглушить страх—смеются. И вот новые атеисты новых времён легко и непринуждённо говорят о таинстве смерти. Ангел разглядел страницы и, сложив губы в ироническую усмешку, прочитал:

— «Утром просыпается и видит, что с ним что-то такое неладное. То есть, вернее, родственники его видят, что лежит бездыханное тело и никаких признаков жизни не даёт. И пульс у него не бьётся, и грудка не вздымается, и пар от дыхания не садится на зеркальце, если это последнее поднести к ротику. Тут, конечно, все соображают, что старичок тихо себе скончался... Вот этот лишний элемент лежит теперь в комнате, лежит этакий чистенький, миленький старичок... Он лежит свеженький, как увядшая незабудка, как скушанное крымское яблочко...»

Наверняка смерть будет чем-то похожа на утро понедельника...

Мимо, гудя мотором, проехал невидимый грузовик, послышался скрип тормозов и через секунду раздался возбуждённый голос: «Смотри-ка, смотри...» Арсений повертел головой, но кроме плоскостей неба и пустыни, да Ангела, внимательно наблюдающего за ним, вокруг ничего не было.

Ангел, словно ничего не услышав, перелистнул несколько страниц:

— Или вот: «В комнату влетел свежий ветер. Из-за славянского шкафа вышла костлявая. Средиземский завизжал. Смерть рубанула его косой, и граф умер со счастливой улыбкой на синих губах».

Ангел помолчал минутку, давая Арсению подумать над прочитанным.

— Но отсмеявшись и встав на самом краю, вы замираете с трепещущим сердцем, как—уже?! И в ужасе цепляясь немеющими руками за предсмертную простыню, напряжённо глядите туда, куда нельзя проникнуть взором—что там?!

Ангел вытянул руку с книгой и книга исчезла. Но вместо неё тут же появилась другая. Открыв её, как показалось Арсению, наугад, Ангел принялся читать:

— «Кто там? — спросил он дрогнувшим голосом... То был некто, обладающий способностью проникать сквозь стены, не прикасаясь к замкам. А когда он пригляделся, то увидел, что это была смерть...»

Погоди, смерть! Ещё не настал мой час. Я должен умереть во сне, в полутьме своего кабинета, как предсказала мне в незапамятные времена слепая гадалка... Но смерть отвечала: „Нет, генерал. Это произойдёт здесь, сейчас! Вы умрёте босой, в одежде нищего, которая на вас...“ И он умер так, как сказала смерть, умер тогда, когда меньше всего хотел этого, когда после стольких лет бесплодных иллюзий и самообмана стал догадываться, что люди не живут, а существуют, чёрт подери, что самой долгой и деятельной жизни хватает лишь на то, чтобы научиться жить — в самом конце!»

Ангел кашлянул, выводя Арсения из состояния заворожённости:

— Ты читал это — Габриэль Гарсиа Маркес, «Осень патриарха». Но что ты думал, читая это? Понимал ли, что читаешь? И что теперь думает об этом сам Маркес там? Как считаешь?

Что он думает? Как раз в те дни, в советские ещё времена, когда Арсений читал эту вещь, приятель рассказал ему о своём начальнике. Начальник — Очень Большой Человек — умирал. Неизлечимая болезнь. У постели семья, друзья, сослуживцы. За спиной полная трудов и заслуженных наград жизнь. Впереди... Несгибаемый коммунист, правоверный атеист вдруг жутко испугался смерти. И чем больше вокруг него хлопотали, тем тяжелее ему становилось; душевная боль перерастала в боль физическую, и не действовало никакое болеутоляющее. Стыдясь себя и своего страха, на ухо другу признался он, что покоя ему не даёт память об уничтожении храма, за которое он ратовал и в котором принял участие много лет назад. Трезвый, жёсткий, смелый, в общем-то, человек прошептал, что мерещится ему всякая нечисть!

Под страшным секретом привели к нему священника и оставили одних. О чём они говорили, никто, конечно, не знает, но умер Большой Начальник со спокойной улыбкой на устах.

Стук в дверь. Хозяин открывает. На пороге маленькая косенькая, хроменькая девочка в драном балахоне с капюшоном и сломанной косой в руках.

— Ты кто?

— Я смерть твоя!

— ?!

— Да, такая вот несуразная, нелепая смерть...

Кто просто жил — тот просто умирает. Эту формулу Арсений неосознанно вывел ещё в детстве.

Ночь. Старая дедова изба. Арсений с братьями на пышущей жаром русской печке в полудрёме согревается после катания с ледяной горы. Из-за занавески видно, как в «передней» гости разливаются бледно-молочный самогон в старые зеленоватые стаканы. На столе картошка, капуста, грибки, круглый ржаной хлеб, от которого дед время от времени отрезает большим ножом косые ломти. И разговор...

— Вот он и говорит: тоска что-то на душе, даже самогону не охота.

— Да, маялся, эт точно...

— Да-а... И вот пришёл из баньки, повеселел вроде...

— Да, баня она кого хошь развеселит...

— Да ты слушай! Пришёл, кваску попил, лёг на кровать и помер.

— Да-а-а...

Арсений знал этого дядьку. Здоровяк-шофёр возил его несколько раз в поле к комбайну старшего брата с обедом в узелке. Арсений представил себе, как он здоровый, розовый после бани приходит домой, пьёт ядрёный деревенский квас (с подбородка падают янтарные капли), ложится на кровать и вдруг превращается в покойника. Из живого становится мёртвым. Как раз тем летом похоронили бабушку, и Арсений уже знал, как выглядят покойники, как человека хоронят и как проходят поминки. С тех пор рисовая каша с изюмом ассоциировалась у него с этим печальным обрядом.

А разговор цепляет одну смерть за другой. Этого задавило бревном, другой утонул, третий попал под поезд. Вспомнили и дядю Арсения, который в пургу сбился с пути, долго плутал вокруг деревни, и замёрз насмерть в двух шагах от забора соседского сада.

И чего это взрослые будто бы смакуют подробности, словно это доставляет им какое-то болезненное удовольствие.

Может быть, подумал Арсений, очнувшись от воспоминаний, это нормально — *Memento mori*?

Арсений вдруг обратил внимание, что плоское небо и такая же плоская пустыня начали менять цвета и странно загибаться краями друг к другу. Появился горизонт, которого — Арсений только теперь это осознал — раньше не было. Небо и пустыня слились в один целый кокон, и этот кокон начал сжиматься. Он сжимался всё стремительнее и, не успев испугаться, Арсений сам превратился в кокон. Перед глазами (перед какими, ведь у кокона не было глаз?!) поплыли разноцветные очень чёткие идеально ровные геометрические фигуры, которые сменились на ослепительные, гипнотизирующие круги, непонятные — похоже, компьютерные — символы. Арсений вдруг осознал, что не дышит! Но как это может быть?! А что такое

дышать? Это втягивание воздуха в лёгкие. Но что такое «лёгкие» и что такое «воздух»?

И в этот момент Арсений осознал с кристальной ясностью: обман! Вся жизнь обман! Нет никакого воздуха, никаких лёгких, нет никакого Я и никакого Мира. Есть лишь компьютерная программа, а вся жизнь — лишь упорядоченное движение электронов.

Страх сжал сердце Арсения (но какое сердце может быть у компьютерной программы?), страх перерос в ужас ожидания неминуемого небытия: сейчас, вот-вот сейчас кто-то могущественно несуществующий (Бог?) щёлкнет кнопкой и сознание Арсения начнёт стремительно меркнуть, сощёлкнется в узкую белую линию, которая превратится в ослепительную точку — и всё!

Арсений почувствовал, как ужас переродился в сильнейшее разочарование, потом его объяла невыносимая печаль, которая неожиданно вылилась в злость. И эта злость, не известно где находившаяся (Арсения-то не было), остановила панику. Арсений с облегчением почувствовал, что снова дышит, что у него есть тело, что Ангел Смерти по-прежнему сидит перед ним на сером валуне и внимательно за ним наблюдает.

Всё вошло в норму, только отсутствия горизонта Арсений никак не мог понять, да застрял на дне сознания вопрос: так жизнь действительно реальна или просто кто-то передумал пока нажимать кнопку «выкл»?..

Стук в дверь. Хозяин открывает дверь, а на пороге маленькая — с голубой смерть. Маленькая, но страшная, с косой, в чёрном балахоне и капюшоне. Хозяин схватился за сердце, но смерть замахала руками:
— Да не бойся, не бойся, я не к тебе, к твоей канарейке.

Они посидели молча, и когда сердце Арсения стало биться ровнее, Ангел поменял книгу на новую и прочитал:
— «Берлиоз не вскрикнул, но вокруг него отчаянными женскими голосами завизжала вся улица. Вожатая рванула электрический тормоз, вагон сел носом в землю, после этого мгновенно подпрыгнул, и с грохотом и звоном из окон полетели стёкла. Тут в мозгу Берлиоза кто-то отчаянно крикнул: „Неужели?..“ Ещё раз, и последний раз, мелькнула луна, но уже разваливаясь на куски, и затем стало темно».

Арсений открыл глаза и увидел, что сидит в тесной комнатке медпункта; вокруг него военные; все смотрят в маленький экран переносного телевизора. Где-то за спинами на белой кушетке на жёстком солдатском байковом одеяле (в медпункте очень жарко) постанывает раненый человек. Арсений не видел его, но знал, что это горбоносый крепкий

с зелёными глазами и многодневной щетиной чеченец. Живот его перебинтован, и на белой марле проступили желтоватые и розовые пятна.

На экране телевизора развалины кирпичного дома, похоже, многоэтажки. Бородатые люди в зелёных повязках на головах, камуфляжной форме и с автоматами в руках окружили невысокого белобрысого мужчину в легкой форме с лейтенантскими погонами. Арсений непонятно как знает, что плёнка, которую они смотрят, каким-то образом связана с раненым человеком, постанывающим за спиной.

Тем временем камуфляжники на экране спрашивают что-то у пленного, показывают в камеру его документы, заставляют его раздеться и раздеться. Пленник, не торопясь, явно затягивая время, снимает ботинки, и всё время что-то говорит извиняющимся тоном людям с автоматами. Автоматчики улыбаются в ответ, но улыбки эти напоминают Арсению оскал кошки, играющей с полуобморочной мышкой. Арсений заметил вдруг среди бородачей кого-то в длинном хитоне и с крыльями за спиной, но, похоже, его не видят ни автоматчики, ни пленный, ни люди, смотрящие телевизор. Взгляд существа с крыльями напряжён и печален. Арсений понимает, что сейчас произойдёт, и всё же когда бородачи отходят от пленного и раздаются выстрелы, он вздрагивает. Босой пленный падает. Раздаётся ещё несколько выстрелов, и после каждого босые ноги убитого нелепо дёргаются. Один из стрелявших подходит к трупу и бросает ему на грудь раскрытый паспорт. Камера неровно наезжает и Арсений видит фотографию молодого человека и надпись «Зайцев Игорь Валентинович».

Арсений задумался. Странный кошмар. Как это связано со мной? — силится понять он.
— Всею своё время, — басовым колоколом прогудел голос Ангела Смерти. И Арсений снова увидел вокруг всё ту же палевую пустыню, уходящую в бесконечность и нигде не соединяющуюся с низким небом.

«А, может быть, то, что снится нам в страшных кошмарах, — это предсказание будущего или, может быть, проекция того, что происходит прямо сейчас в каких-то других, параллельных мирах? — подумал он. — Да может быть, и не в иных мирах, а здесь, на земле, где-нибудь за тысячу вёрст отсюда».

Чувство, которое он только что испытал показалось ему знакомым. Да, тот сон... Странный сон... Гостиница, длинный темноватый коридор не известно в каком городе, не понятно в каком году. Зима? Осень? За окнами серое утро. Арсений шёл по этому коридору, а навстречу шла улыбающаяся незнакомая женщина. Арсений улыбнулся в ответ, но вдруг поразился, поняв, что улыбка встречной — коварно-злая и совершенно жуткая.

Арсений силится перестать улыбаться и не может. Он входит в ванную комнату, запирает за собой дверь на шпингалет, поворачивается к зеркалу и, заледенев, видит отражение стоящей у него за спиной страшно ухмыляющейся женщины! Но он же запер дверь! Арсений с бьющимся сердцем обернулся—никого! И тут неведомая сила агрессивно и жестоко принялась ломать и душить его. Весь в холодном поту Арсений сопротивлялся из последних сил, и только твердил про себя: главное не сойти с ума, главное не сойти с ума!

В какой-то момент он осознал, что борьба идёт не физической, что это душа его борется с чем-то чему нет ни названия, ни определения, ни описания. И когда Арсений понял, что легче умереть, чем потерять душу,—он проснулся...

Он и до сих пор уверен, что Нечто во сне или в каком-то другом измерении (уж очень это было не похоже на сон) пыталось отобрать у него жизнь; и если бы он не справился, утром его нашли бы в постели мёртвым... Или безнадежно свихнувшимся.

«О, чёрт!—испугался вдруг Арсений.—Я же сошёл с ума! Вот в чём дело. Лежу в палате какой-нибудь психушки, а сам галлюцинирую. Как там—не дай мне Бог сойти с ума, уж лучше посох и сума? Да, это всё объясняет. И Ангела, и эту пустыню...»

Врывается мужик к соседу—весь взмыленный, бледный, руки трясутся.

—Будь другом, дай закурить!

—Так ты же бросил три года назад.

—Поднимешь тут поневоле—Смерть только что поступалась в двери.

—Что-то ты подозрительно живым выглядишь.

—Да она за наждачным бруском заходила—коса затупилась.

Тоска начала сосать его сердце: ведь отсюда же теперь ни за что не выбраться. Но почему, почему?

Почему пахнет бензином? Почему слышны звуки машин и—сквозь вату—людские голоса? Ангел их, интересно, слышит?

Может быть, и слышал, но вида не подавал, он полистал очередную книжку и, расправив лист, прочитал:

—«Смерть—это робот, управляющий миром действия. Смерть безмолвна, у неё нет рта. Смерть никогда ничего не выражала. Но в ней есть нечто заманчивое, некое послевкусие. Только тот, кто вроде меня открыл рот и сказал: „Да, да, да“ и ещё раз „Да!“—способен встретить смерть без страха, с распостёртыми объятиями. Смерть, как вознаграждение—да! Смерть в результате свершения—да! Смерть в венце и на щите—да!»

«Интересно,—подумал Арсений,—Генри Миллер, написавший эти полубезумные строки, сегодня, уже оказавшись там, по-прежнему готов подписаться под ними?»

—Когда-нибудь ты сам у него это спросишь,— улынулся Ангел.—Но ещё не скоро...

Значит, не умер, решил Арсений. Всё же сошёл с ума? Интересно: сумасшествие равно смерти? Или это другое состояние? Сколько было гениальных сумасшедших, но были ли они при этом самими собой—вот в чём вопрос!

Арсений поневоле улыбнулся, вспомнив безобидного деревенского дурачка, которого он видел, приезжая на каникулы в дедов дом. Саня-кнут. Классический такой юродивый: ходил в обносках, зимой и летом босиком, в сумку собирал всё, что ни найдёт, или что подадут. Не попрошайничал, был добрым и разговорчивым. И всё время не расставался с самодельным верёвочным кнутом, за что и был прозван Саня-кнут.

Дед, когда сильно сердился на Арсения за детские его не всегда разумные проделки, говорил в сердцах:

—Да у тебя понятия меньше, чем у юродивого! Вырастешь, будешь, как Саня-кнут с голым пузом ходить.

Как и положено юродивому, был Саня-кнут истово верующим. И была у него мечта: попасть на камушек Серафима Саровского. Саровский монастырь в те годы уже оказался за колючей проволокой; посёлок, что был под его стенами, облюбовали учёные и военные, которым Родиной было поручено создать атомную бомбу, чтобы ответить на бомбу американскую и спасти мир от войны. За колючей проволокой в три ряда, контрольно-следовой полосой, вдоль которой ходили солдаты с овчарками, оказалась и Дальняя пустынка, где Серафим вершил свой главный подвиг. Так что мечта попасть туда была из области несбыточных.

Но не зря старые бабушки говорят: вера сотворит любое чудо. Невероятно, но факт: на серафимовских местах Саня-кнут побывал!

Как-то в июле он вдруг из села пропал. А через месяц его привезли на военном газике, провели в правление колхоза, а потом опять посадили в газик и увезли. Верёвочный кнут, как заметили немногочисленные свидетели происшествия, был при Сане... После этого юродивый сгинул окончательно...

И только годы спустя тайное стало явным.

В то лето Саня-кнут во что бы то ни стало решил попасть в секретный город и пробраться на Дальнюю пустынку. Он всю весну и весь июнь бродил вдоль колючей проволоки и выискивал лазейку. Безрезультатно. Один раз в него даже стрелял узкоглазый темнолицый солдат—то ли киргиз, то ли якут. Но не попал.

И вот в конце концов Саня набрёл на железнодорожную ветку, по которой в закрытый Саров по ночам ходили время от времени составы. Тут он и понял, как проберётся в город. Выждав,

когда на станцию пригнали состав с лесом, он нашёл платформу с самыми большими брёвнами и ухитрился пробраться в щель между стволами. Конечно, там его непременно должно было раздавить во время движения. Но не зря в народе говорят, что Бог заботится о дураках, пьяных и Соединённых Штатах Америки. Поскольку юродивый сродни дураку, Бог видимо пожалел Саню, и его не раздавило брёвнами, не унюхали овчарки, не проткнул длинным железным штырём солдат на КПП. Когда состав пришёл на товарную станцию Сарова, была ещё ночь, и Сане удалось незамеченным выбраться из брёвен и так же не обнаруженным уйти со станции.

Недели полторы он жил в самодельном шалашике на Дальней пустынке, которую нашёл без труда по рассказам богомольных деревенских стариков, ещё помнивших, как их в детстве водили на поклонение мощам Серафима и в монастырь, и на пустынку. Однако когда кончилась принесённая в котомке еда — хлеб, печёная картошка и печёные же яйца, пришлось идти в город. Тут, в городе его и замели. Для интеллигентных жителей научного Сарова в диковинку оказался грязноватый человек в рубище и с кнутом на плече, который стоял у магазина и ласково просил хлебушка. КГБ в те времена работал шустро. Саня-кнут был моментально задержан, доставлен куда следует, и кто следует, его допросил. Долго не решались поверить, что оборванный человек не американский или, на худой конец, английский шпион. Несмотря на то, что Саня-кнут подробнейшим образом описал, как он проник в город, показал шалаш, в котором жил, и рассказал, кто он и откуда, саровские рыцари плаща и кинжала долго отказывались признавать реальность его истории и усердно строили версии шпионского направления, допрашивая его, как инквизиция Коперника. Саня, однако, всем улыбался, ничего не боялся, охотно и многословно отвечал на все вопросы, и вышел из себя лишь однажды, когда кГБшники отняли у него кнут. Он так орал, рыдал и колотился в судорогах, что кнут ему вернули и больше отнять не пытались.

В конце концов Саню посадили в газик, привезли в село и предъявили правлению колхоза с председателем во главе для опознания. Со шпионской версией кГБшникам пришлось-таки с большим сожалением расстаться...

Куда увезли Саню, так никто и никогда не узнал. Говорили только, что, садясь у крыльца правления в гбшный газик, Саня-кнут беспечно и счастливо улыбался. Ещё бы, его несбыточная мечта сбылась. Газик повёз его в неизвестном направлении, а оказавшиеся около правления случайные старушки тайком крестили воздух ему вслед...

С тех пор ни одного юродивого в наших краях никто никогда не видел...

Да, но не всё так безобидно. Бывают ведь и другие сумасшедшие. Как же он мог забыть о двоюродной своей тётке — Марьякльне? Звали-то её, конечно, Марья Яковлевна, но так уж повелось, что торопливая родня не размениваясь, слила имя и отчество в одно прозвище — Марьякльна — и всё. Работала она в психбольнице. Уж давно... И вот была, была, а потом пропала. Арсений знал её мало и даже не поинтересовался — куда делась. И только потом рассказали ему, как было дело. Был у них там один буйный. И как-то так вышло, что только Марьякльне его удавалось успокаивать. Уж чем она его взяла — неизвестно, только тот даже стал вроде как в себя приходить. Марьякльна упросила главврача, чтобы ему разрешили в общий холл выходить и даже гулять изредка. А весной он её в дровяном сарае зарубил. Рассказывали, что пришёл в общую комнату с топором, а с лезвия кровь капает. Стоит, глаза ясные, как бы даже весёлые, вроде как доброе дело какое сделал... Потом, правда, дошло, что ли до него, буянить начал, кричал жутко, плакал. Но недолго мучился, однажды ночью порвал на лоскуты простыню, да и повесился...

Говорят, когда Марьякльну нашли, она ещё живая была. И вроде еле дышала уже, и голова в крови, а глаза ясные, и вроде как не больно ей совсем. Не судите, говорит, его, он хороший, больной только...

Арсений передёрнулся. Нет, уж лучше посох и сума. Всё же страшная штука — смерть. Или не страшная? Ему припомнился сумрак вечерней избы, иконы, поблёскивающие серебряной фольгой окладов в танцующем свете свечей. Старенький священник, прихлёбывая, попивает крепкий душистый чай с неизвестными травами, и отвечает на наивные, воспитанного в атеизме Арсения вопросы.

— Вот если ты христианин, значит, должен помнить свой смертный час — и вовеки не согршишь. Перед смертью все твои богатства, кроме духовных, — тлен и ничто. Знаешь, как в народе говорится — гроб карманов не имеет. А смерть — не горе. Смерть — для нас живых печаль об ушедшем, но для усопшего рождение к новой жизни.

Потрескивает фитилёк лампадки, пахнет ржаным хлебом, травами и лампадным маслом. Старый человек с улыбкой смотрит Арсению в глаза: — Смерти не бойся.

— Да я и не боюсь...

— И хорошо.

Ангел тонко и холодно улыбнулся, спросил громовым голосом:

— Так не боишься?

Словно ледяным ветром повеяло в лицо, сердце снова забило со страшной силой. «Так не боюсь?» — замирая от страха, спросил Арсений сам себя. — И почему он спрашивает меня об этом?

И зачем мы так долго—час? день? год? Беседуем о смерти? Экамен? Чистилище? Бред?»

Отчего ещё сильнее запахло бензином.

На вопрос «Как вы хотели бы умереть?» было получено много разных ответов. И только один из более сотни опрошенных ответил: «Никак»...

Ангел встал, расправил складки хитона, засмеялся и взмахнул невероятными крыльями, отчего стало ещё холоднее. Пустыня вдруг начала стремительно белеть, и Арсений почувствовал холод снега. Ангел оторвался от земли и, поднимаясь в небо, закричал громовым голосом:

— Не бойся! Не бойся, но помни! Очнись, парень, очнись!..

— Очнись, парень, слышишь, очнись!—голос из громового превратился в обычный мужской человеческий, и Арсений почувствовал, что кто-то трясёт его за плечо.

Солнце било в глаза, капала со лба кровь, в голове гудел колокол. Снег залетал в расплющенное окно автобуса, завалившегося на бок под откос шоссе. Пахло пропитавшим снегом бензином. Из-за переднего сиденья торчала рука со скрюченными в последней судороге пальцами. Рядом застыла в нелепой позе женщина с открытыми, но слепыми глазами и оскаленным в немом крике ртом. Человек в зимней куртке и сваливающейся ушанке тащил Арсения за рукав из разбитого автобуса: — Очнись, парень, очнись. Бензин разлился, может полыхнуть.

Автокатастрофа! И Арсений всё вспомнил.

В эту командировку он очень не хотел ехать. И ему самому было это странно, ведь он любил поездки, любил новые места и встречи. Недаром бабка называла его порой Шатун Гулящий. А тут надуло что-то на сердце, навалилась депрессия, впору отказаться. Только как откажешься—работа. Пришлось ехать. Арсений ясно вспомнил, как автобус весело летел по зимнему шоссе, как сверкало солнце в инее белых берёз и пушистых лиственниц. Он даже повеселел и начал получать

удовольствие от поездки. А в какой-то момент увидел в лобовом стекле «Икаруса» мчащийся навстречу грузовик, потом заснеженные деревья придорожной лесопосадки, странным образом переворачивающиеся кронами вниз, и очнулся сидя на валуне в странной пустыне...

— Ну, парень, повезло тебе,—гудел над ухом мужчина, помогая Арсению взобраться на обочину.— Четыре трупа вокруг тебя, а тебе только бровь поцарапало. Ну, повезло.

Арсений стоял, в оцепенении смотрел, как одни люди, вытаскивают из покорёженного брюха автобуса других людей, слышал, как кто-то кричал, кто-то кого-то звал и никак не мог придти в себя. Он почувствовал на себе взгляд и обернулся. На противоположной обочине шоссе стоял высокий человек в длинном—почти до пят—чёрном пальто, пристально смотрел на него и слегка улыбался. Он оглядывал Арсения, словно хотел в чём-то убедиться.

Незнакомая женщина подошла к Арсению и принялась платком вытирать кровь на его лице, а когда отошла и Арсений обернулся, человека в чёрном уже не было.

Снег падал из лёгких редких облаков и сверкал на солнце, мороз пощипывал лицо. Но Арсений не замечал этого. Мысли его медленно плыли одна за другой. Наверное, это правильно, что мы не знаем, когда и как умрём. Наверное, это правильно, что мы не знаем заранее, что там. Может быть, только это и делает нас людьми. Но как же хочется верить, что душа там по-прежнему жива. Потому что, если это так, то есть надежда на прощение. Есть надежда на то, что тот, кого ты обидел, не понял, кому не помог, видит твои запоздалые мучения, чувствует их и—сочувствует? А может быть, и прощает?

Поскрипывая затоптанным снегом, Арсений неторопливо пошёл к автобусу, который подогнали, чтобы забрать пострадавших. Он сидел в холодном кресле, смотрел на суету за окном и думал о том, что хоть всё и пойдёт в его жизни по-прежнему, что-то в нём самом будет иным. Он никогда не забудет слов Ангела «Не бойся!», но не забудет и о кнопке с надписью «Выкл.»...